

крайности позднейшихъ его писаній, не столько «ученіе» въ позднейшемъ, узкомъ его смыслѣ, сколько общій духъ всѣхъ произведеній всей литературно-художественной и проповѣднической, эстетической и этической дѣятельности его).

Чтобы трудностей и «наивностей», указанныхъ въ требованияхъ этого ученія было меныше, дѣло «исправленія» общества нужно начинать съ средней, не крайней истины, т. е. съ истины, не доведенной «до всѣхъ ся логическихъ послѣдствій», какъ хочется гр. Толстому, такъ какъ въ этомъ видѣ человѣчество можетъ воспринять ее лишь въ конечномъ результатаѣ своего прогрессивнаго движенія, лишь въ перспективѣ вѣковъ, какъ ріа *desirata* всѣхъ образовательныхъ стремлений и чаяній цивилизованнаго человѣчества. «Родъ человѣческій, говорилъ Фонтенель, устанавливается на истинномъ пути, только исчерпавъ предварительно всѣ ложные». Вѣдь для того только, чтобы успѣли уничтожиться невыгоды существующаго раздѣлешія труда, для того только, чтобы каждый могъ, какъ гр. Толстой, «не боясь разойтись со всѣмъ окружающимъ и оставаться одному съ разумомъ и совѣстью», уйти на лоно природы и жить такъ, какъ совѣтуетъ гр. Толстой—нужны вѣка и вѣка, когда, можетъ быть, дѣйствительно, человѣчество пойметъ, что «ткать всю жизнь ситцы человѣку не должно», когда оно во всемъ своемъ составѣ, безъ исключеній, дойдетъ до материальной возможности «удовлетворять всѣмъ тѣмъ потребностямъ, и тѣлеснымъ, и душевнымъ, и совѣсти, и разума, которыя въ него вложены»...

А пока этого нѣть, мы можемъ только сказать:

Un jour tout sera bien, voila notre espérance

Tout est bien aujourd’hui voila l’illusion...

Сведенная къ своимъ пропорціямъ, эта «средняя» истина, выжатая изъ всей литературной дѣятельности гр. Тол-